

ВОЛЯ БОГОВ

Миг, к которому готовились поединщики в течение Игр ССХСИ олимпиады, наконец, наступил. Каждый из участников Игр следовал во время подготовки в Элиде предписаниям элланодиков, каждый из них принес жертву Зевсу, Гермесу-покровителю и другим богам, мечтая о том, чтобы Ника даровала победу именно ему. И теперь каждому из поединщиков предстояло показать все, на что он способен.

Первыми вступили в бой карфагенянин Иккос и критянин Дамарет. Выставив вперед левые руки, они медленно кружили в центре площади, изредка нанося друг другу тяжелые удары правой рукой. Бой шел довольно долго и казался равным. Лишь кровоточащее ухо Дамарета свидетельствовало о том, что удары Иккоса чаще достигают цели. В самом деле, внимательный глаз уловил бы, что карфагенянин принимает почти все удары соперника на приподнимаемое вовремя левое плечо, в то время как поединщик с Крита пропускает большинство ударов. Почти все они приходились на голову – висок и челюсть, поскольку удары по туловищу запрещались правилами.

Развязка наступила неожиданно. После очередного удара Иккоса Дамарет упал на колени и долго стоял так, как бы решая, продолжать поединок или сдаваться. Его сомнениям положил конец звонкий мальчишеский голос, раздавшийся откуда-то с верхних рядов трибуны:

– Подними палец, Дамарет! Карфагенянин сильнее!

Критянин приблизил к своему лицу кулак и, помедлив еще немного, вытянул вверх указательный палец. Это была капитуляция. Агонофет подошел к Иккосу и высоко поднял его правую руку – так объявлялся победитель поединка. Первую победу бурно приветствовали зрители из Карфагена и Туниса. Впрочем, все остальные тоже благосклонно приняли исход поединка, который прошел в классическом стиле и принес победу более умелому.

Еще две пары выходили на белый песок арены, прежде чем глашатай пригласил Филона из Константинополя и чужестранца Вараздата. Византиец был почти на голову выше своего соперника. Кроме того, у него были длинные руки, а это большое преимущество для поединщика. Он вышел на арену уверенным шагом, горя нетерпением скорее начать бой. Однако внимательный взор уловил бы некоторую торопливость в движениях Филона, выдававшую его волнение. Вызвано ли это робостью перед Вараздатом, о победах

которого на состязаниях в Дельфах Филону, конечно, было известно? Или ему мешала симпатия зрителей к чужестранцу?

– Смелее, Вараздат! Филон не страшнее льва!

– А ну, чужестранец, покажи, на что ты способен!

Вараздат стоял уже в центре площадки и не обращал внимания на выкрики с трибун. По знаку элланодика он стал в стойку и поднял обе руки. И что удивительно, обе руки он держал в почти одинаковом положении – на уровне груди. Филон осторожно приближался к нему с вытянутой левой рукой, в то время как правая со сжатым у подбородка кулаком была готова обрушиться на челюсть противника. Наступая на Вараздата, Филон занял центр арены и стал медленно поворачиваться вокруг своей оси, зорко следя за чужестранцем. Два-три удара, нанесенные справа наотмашь Филоном, хлыстом рассекли воздух и заставили Вараздата быстрее кружить вокруг византийца. Бойцы, по существу, не сблизались. Своей протянутой рукой византиец пытался достать левую руку соперника. Но тот упорно избегал этого, сохраняя дистанцию и держа обе руки согнутыми чуть выше пояса. И, несмотря на то, что лицо его было открыто, дотянуться до него Филону никак не удавалось: чужестранец каждый раз с непостижимой быстротой отскакивал от кулаков соперника. С трибуны донесся насмешливый возглас:

– Не робей, чужестранец!

Стойка Вараздата была столь необычна, что часть зрителей решила, будто он недостаточно знаком с канонами ведения боя. На трибуне послышались смешки. И хотя зрители оценили подвижность Вараздата, все же многие из них с явным неодобрением следили за его действиями, в которых усматривали всё, кроме желания вести бой до победы.

– Вперед, Филон!

Этот клич, поданный каким-то зрителем, скорее всего константинопольцем, был подхвачен его земляками, и Филон, пытавшийся еще несколько раз безуспешно попасть правым кулаком в голову Вараздата, все сильнее стал наседать на соперника. В его движениях появились решимость и уверенность. Вараздат продолжал выжидать. Он легко уклонялся от ударов Филона, отступая ровно настолько, чтобы кулак соперника в грубых кожаных сфайрах не доставал до его лица.

– Это игра на краю пропасти, .. – прошептала молодая и красивая гречанка Деметра, закрытая в плащ-гаматий, и тайно прошедшая на стадион вместе со своей служанкой Фату.

Следя за кулачными бойцами, Деметра невольно так стиснула руку Фату, что та даже чуть не вскрикнула от боли. Не понимая, в чем дело, Деметра перевела взгляд на служанку, виновато улыбнулась ей и затем с волнением взглянула на братьев, ее спутников из Армении – Карена и Арсена.

Но на их лицах она не прочла никакой тревоги. Оба с иронией, но очень внимательно следили за ходом поединка.

Когда Филон в очередной раз с размаху ударил в то место, где за мгновение до этого было лицо чужестранца, отпрянувший назад Вараздат сделал небольшой пружинистый скачок к не успевшему развернуться сопернику. Сильные ноги чужестранца словно катапульта выбросили его тело навстречу византийцу. Левая рука, обгоняя тело, стрелой вонзилась в подбородок Филону. Последний по инерции шагнул вперед, словно не почувствовав боли, готовый ответить ударом на удар. Но вдруг как-то обмяк и повалился навзничь на белый песок.

Все это произошло в считанные мгновения, и Деметра, просмотревшая этот эпизод, удивленно взирала на площадку, над которой повисла тишина. Первым пришел в себя от неожиданности элланодик, руководивший поединком. Убедившись, что византиец не в состоянии продолжать бой, он подошел к Вараздату и победно вскинул вверх его правую руку. Затем по знаку агонифета два раба стали поднимать Филона. Элланодик вынул из складок своего хитона какой-то миниатюрный сосуд и приложил его к носу византийца. Филон задержал головой, сознание постепенно возвращалось к нему.

Только теперь зрители стали отдавать себе отчет в происшедшем. Возгласы одобрения прокатились по стадиону, люди оживленно переговаривались друг с другом, пытаясь восстановить перипетии поединка.

– Его кулаки быстрее молний!

– Он сбил Филона левой рукой!

– Ну и удар! Боги дали ему взаймы часть своей силы!

Счастливая Деметра втайне досадовала, что упустила столь интересный момент. Впрочем, внешне она встретила победу Вараздата весьма сдержанно, и только в глазах появилось ликование. Все зрители (и агенты, наверное, тоже) были поглощены происходящим на арене, и Фату не могла скрыть свои чувства. Она хихикнула и, схватив руку Арсена, пыталась изобразить для Деметры заключительную фазу поединка...

А на площадке уже билась новая пара – карфагенянин Иккос и победитель второго боя Патак из Галлии. Эта встреча длилась довольно долго. Патак, мощного телосложения и не очень подвижный, почти совсем не реагировал на действия карфагенянина. Он настойчиво сближался с ним, невзирая на получаемые удары. Его цель была ясна: подойти возможно ближе и решить исход поединка одним ударом. Но соперник старался не дать ему возможности попасть в лицо. Удары Патака приходились то в голову, то в лоб. Причем каждый удар приносил ему все больше страданий: он разбил себе пальцы правой руки, и теперь его не спасали даже сфайры.

Вскоре удары Патака потеряли живость и стали менее точными. Движения его делались все медленнее, тогда как кулаки Иккоса попадали то в висок, то в челюсть соперника. Свои сильнейшие удары Иккос наносил правой рукой, поэтому левая сторона лица Патака пострадала больше всего. Глаз его почти закрылся, шрамы от ремней сфайров алели на его смуглой щеке. В момент, когда руки Патака повисли от усталости, Иккос приблизился вплотную к сопернику и стал наносить ему боковые удары. Это были тяжелые, безжалостные удары. Патак рухнул на песок.

Опершись обеими руками о землю, он бессмысленно озирался вокруг, не помышляя даже о том, чтобы встать. Подошедший элланодик тщетно пытался добиться у него ответа, намерен ли он продолжать бой. Патак продолжал молча сидеть на песке. Давно уже было отменено правило, по которому сидящего на земле соперника можно было бить до тех пор, пока он не признает себя побежденным. Этим часто пользовались те, у кого не складывался поединок. Они падали на одно колено, чтобы перевести дыхание, и затем, поднявшись, снова продолжали поединок.

Элланодики следили за тем, чтобы кулачные бойцы не злоупотребляли этой возможностью. Поэтому, когда агонифет пришел к выводу, что галл умышленно тянет время, он без колебаний объявил победителем Иккоса.

Карен и Арсен, друзья Вараздата, тут же стали обсуждать манеру боя Иккоса.

– Этот Иккос вовсе не прост!..

– Мне кажется, он многому научился у Вараздата. Например, ударам обеими руками!

Это было действительно так. Братья не подозревали, что Иккос, принимавший участие в состязаниях в Дельфах, знал Вараздата, сдружился с ним во время подготовки в Элиде и, оценив его мастерство, стал подражать ему.

– Иккос может стать опасным соперником для Вараздата – к такому выводу пришли братья. Деметра и Фату молча слушали их.

Вараздат между тем снова стоял на арене. На сей раз его противником был Дамиск из Сицилии. Сложив на груди руки, сицилиец свирепо поглядывал на Вараздата, ожидая начала боя. В своем предыдущем поединке он довольно легко одолел Поликара из Александрии и теперь горел желанием доказать, что богиня Ника покровительствует только ему.

– Не пугай, Дамиск! Чужестранец не из пугливых! Он уступит только силе!

– Сдавайся, Вараздат! Дамиск не Филон! Сицилиец сам заставит тебя есть песок арены!

Вараздат стоял опустив руки в ожидании команды начать бой. По знаку элланодика бойцы стали в стойку. Вараздат – все так же, со слегка приподнятыми руками, готовый в любое мгновение отпрыгнуть, чтобы сохранить дистанцию. Дамиск – вытянув одну руку и приготовив для удара вторую. Но что это? Рука, которой он собирался держать на дистанции соперника, была правая. А для удара он готовил левую руку. Она у него была много сильнее правой. Этой особенностью обладают немногие, она дает им ощутимое преимущество. Сопернику неудобно вести поединок с таким необычным партнером.

Однако в бою с Вараздатом, стойка которого была почти прямосторонней, преимущество Дамиска свелось на нет. Сицилиец почувствовал это сразу же, как только приготовился нанести первый удар левой в висок соперника. Легко маневрируя, Вараздат, как всегда, не подпускал близко соперника. Дамиск растерялся. Несколько несильных ударов чужестранца, скользнувших по лицу Дамиска, вывели его из равновесия, и он довольно открыто пошел на Вараздата.

– Будь хладнокровнее, Дамиск!

Сицилиец не реагировал на совет. Выставив вперед правую руку, и без устали размахивая левой, он пытался сблизиться с соперником и нанести ему тяжелый удар сбоку. Но в момент, когда лицо Вараздата было, казалось, рядом и Дамиск вкладывал всю силу в удар, чужестранец отскакивал, а затем вновь кружил вокруг соперника, словно приглашая его еще раз попытать свое счастье.

Пот ручьями катился по блестящим от масла телам поединщиков. На арене разворачивался напряженный бой. Но зрители не чувствовали этого напряжения. Они не видели ударов, крови, боли – всего того, что привлекало их в кулачном поединке. Поведение на арене чужестранца вызвало на трибунах

противоречивую реакцию. Одни открыто выражали свое восхищение ловкостью Вараздата, находя в избранной им манере подтверждение высокого мастерства. Другие, в том числе и некоторые из окружения армянского купца Тироца-армена, считали, что такой стиль обедняет мужественный по своему характеру кулачный бой, а потому не может быть поощрен. Шли такие разговоры:

– Сколько же может длиться поединок?

– Как же элладотики определяют победителя, если ни один из поединщиков не может нанести точный удар?

– Истории известны случаи, когда для определения победителя агонифет назначал серию открытых ударов! Вот это зрелище!

И действительно, так было когда-то в поединке между Креугасом из Эпидамны и Дамоксеном из Сиракуз. В этом случае каждый поочередно получал право ударить в незащищенное лицо соперника – и так до того момента, пока одна из сторон не отказывалась от дальнейшей борьбы. Разумеется, в таких случаях очередность ударов определял жребий.

Но в поединке между Вараздатом и Дамиском дело до этого не дошло. Уставший сицилиец, безуспешно тративший силы, чтобы достать кулаком соперника, на какое-то мгновение в изнеможении опустил руки. И тут Вараздат нанес ему два мощных удара, которые потрясли Дамиска. Глаза сицилийца помутнели, он инстинктивно пытался поднять руки, но новые удары справа и слева по челюсти, а затем прямой удар в лицо полностью лишили его воли к сопротивлению. Удары чужестранец наносил с рассчитанной точностью: ровно такой силы, чтобы сломить сопротивление соперника, но не свалить его с ног.

Это зрителям понравилось. Многие из них повскакивали с мест и, размахивая руками, криками подбадривали Вараздата. И если агонифет не призывал трибуны к тишине, то лишь потому, что было ясно: бой будет вот-вот закончен. И действительно, сицилиец уже совсем опустил руки, не в силах защищать голову. Почти в бессознательном состоянии он продолжал идти вперед на отступавшего Вараздата, не слыша крика своих соотечественников на трибунах, которые все еще надеялись на то, что он сумеет прийти в себя.

Наконец короткий удар в челюсть поставил точку в этом бою. Это был резкий удар средней силы, но состояние Дамиска было таким, что и этого оказалось достаточно, чтобы завершить бой. Трибуны неистовствовали. Гости Олимпии увидели, наконец, кулачный бой, который они хотели видеть. Правда, это был бой, где удары наносил один боец.

— Да, — радостно вздохнула Деметра, — Вараздат умеет драться и побеждать. Сицилиец был очень сильным соперником. И подумать только — ваш друг побеждает, нанося так мало ударов!..

— И не получая почти ни одного! — добавил в тон Карен.

Карен поймал взгляд Деметры...

— Эй, водонос! — окликнул Карен маленького крепыша, обвешанного плетеными сосудами. — Налей воды!

Деметра жадно выпила воду, Карен расплатился, и они опять приготовилась смотреть состязание.

...На арену вновь вызвали Вараздата. На этот раз ему предстояло сразиться с Иккосом. Карфагенянин был молодым, но уже достаточно опытным кулачным бойцом. За два года до Игр в Олимпии он вышел победителем на Немейских играх. Победителю кулачных состязаний в Немее предстояло сразиться с дельфийским победителем, и бой этот мог быть финальным, если бы не появление в последнюю минуту двукратного олимпийщика из Афин.

Обычно поединщики не разговаривали между собой перед боем. Вараздат нарушил традицию и дружелюбно обратился к карфагенянину:

— Ты будешь для меня трудным соперником, Иккос, но я постараюсь тебя победить!

— Я тоже буду стремиться только к победе. Наша дружба от этого не пострадает, Вараздат, — ответил Иккос.

Судья не препятствовал обмену фразами между кулачными бойцами, напротив — внимал их разговору с уважением. Зрители шумели, пытаясь предугадать исход не начавшегося еще поединка. Братья разбирали достоинства Иккоса и вновь сходились во мнении, что он будет трудным противником для Вараздата. Деметра участия в разговоре не принимала. Она смотрела на арену и видела только Вараздата. Верная Фату тоже притихла и с беспокойством переводила взгляд с арены на свою госпожу.

Публика на трибунах разом стихла, едва только элланодик, руководивший поединком, дал команду к началу. Зрители предвкушали интересный, захватывающий бой.

Оба поединщика, несмотря на свой солидный вес, легко передвигались по песчаной арене и, примериваясь к решительным действиям, наносили друг другу короткие удары левой. Однако ни одному из них не удавалось нанести точный удар. Направление ударов было правильным, но они не достигали цели, так как оба

искусно избегали их. Защищаясь, Вараздат предпочитал увеличивать дистанцию, отходя назад или ловко уклоняясь. Иккос, более тяжелый и менее чувствительный к ударам, принимал кулаки соперника на свою левую руку или тоже уклонялся. Ни разу, однако, он не отступил назад под натиском соперника. Напротив, Иккос все время теснил Вараздата, а это создавало впечатление его преимущества.

Не только зрители, но даже номофилаки были захвачены действиями поединчиков. Один из них, наклонясь к другому, произнес с восхищением:

— Это не только необычный, но прежде всего красивый поединок!

Сидящие рядом номофилаки согласно закивали головами.

Между тем Вараздат уже дважды, контратакуя, сблизился с Иккосом и наносил ему левой рукой боковые удары в челюсть. Это были сильные удары, которые вызвали к ответным действиям. Иккос несколько раз показывал обманный удар левой в лицо Вараздата, а затем, подойдя к нему достаточно близко, атаковал правой, которой пытался нанести сильный боковой удар. Но каждый раз его кулаки рассекали воздух. Вараздат успевал в последнее мгновение присесть на своих крепких ногах и послать вдогонку промахнувшемуся карфагенянину удар левой в висок. Раз за разом ремни сфайр оставляли багровые полосы на щеке молодого атлета из Карфагена. Это принудило его разнообразить свои действия.

Сделав вид, что он намерен повторить свой маневр, Иккос без замаха успешно нанес левым кулаком весьма чувствительный удар в лицо Вараздата. Это вызвало ответную атаку соперника и, оба, несколько секунд обменивались жестокими боковыми ударами. Ударить прямой вытянутой рукой не представлялось возможным, так как бойцы стояли слишком близко друг к другу. Вараздат успевал встречать удары соперника то плечом, то своими кулаками, которые в следующее мгновение доставали подбородок карфагенянина. В то же время Иккос сумел попасть в соперника лишь три-четыре раза.

Конец обмену ударами положил Иккос. Он отпрянул назад и увеличил дистанцию между собой и Вараздатом. Иккос понимал, что для того, чтобы застать врасплох такого противника, как Вараздат, надо каждый раз придумывать что-то новое. Что касается Вараздата, то он выглядел совершенно свежим, и лишь след от сфайры Иккоса на правой скуле говорил о том, что кулаки соперника тоже достигали цели.

— Будь осторожен, Иккос! — советовали тунисцы.

– Вей чаще, Вараздат! – слышалось с другой стороны. – Только удары приносят победу!

Две небольшие группы на трибунах – одна из Туниса, другая из Артаксаты – шумно поддерживали своих любимцев, в то время как остальные зрители с равной благосклонностью встречали удачные действия бойцов.

Поединок был интересным, но развязка оказалась неожиданной и нелепой. Иккос, не раз промахивавшийся после нырков Вараздата под его правую руку, решил изменить направление атаки и ударить значительно ниже, туда, где должна была оказаться после очередного уклона голова соперника. Поэтому, сделав вид, что он хочет ударить левой прямой в лицо, Иккос направил боковой удар правой в грудь, надеясь, что при нырке соперника удар придется в цель. Однако на сей раз соперник не стал уклоняться, и удар Иккоса правой пришелся в торс Вараздата. Грубые сфайры прошлись по груди соперника, оставив на ней кровавую борозду. Зрители замерли в предчувствии недоброго.

Элланодик тотчас же остановил поединок и громко объявил во внезапно наступившей тишине:

– Иккос из Карфагена, ты отстраняешься от состязаний за нанесение запрещенного удара. А за нарушение правил поединка ты будешь подвергнут еще и наказанию! Победа присуждается Вараздатэсу из Артаксаты!

Напрасно растерянный Иккос пытался доказать, что удар его был неумышленным, и просил не унижать его наказанием. Элланодик, руководивший боем, был неумолим. Публика разделилась на два лагеря. Характерно, что сторонники Вараздата и Иккоса хранили молчание. Первые из-за того, что хотели не такой победы; вторые оттого, что были подавлены случившимся. Зато почти все остальные зрители возмущались Иккосом. На их памяти это был первый случай за последние три или четыре олимпиады, когда кулачный боец нарушал правила ведения поединка.

Дюжие рабы уже держали за руки Иккоса, готовя его к порке, которую скорее на суд элланодики осуществляли обычно без всякого промедления, тут же, в присутствии зрителей, в назидание другим состязателям и поединщикам.

Встав с мест и образовав кружок, элланодики приступили к переговорам, определяя, по-видимому, меру наказания. К балюстраде, отделявшей кресла элланодиков от трибун, приблизился Вараздат и, подняв руку, попросил слова.

– Говори, поединщик, мы слушаем тебя, – отвечивал распорядитель.

– Я готов поклясться именем Зевса, что Иккос нарушил правило неумышленно. Долгое знакомство с этим поединщиком, совместные занятия в Элиде и Олимпии позволяют мне утверждать, что карфагенянин – настоящий атлет, честный и бесстрашный, свято чтущий олимпийскую клятву и правила поединка. Нарушение было случайным. Я прошу высокий суд не наказывать Иккоса, отменить решение и дать нам возможность довести поединок до конца.

Трибуны, покоренные благородством чужестранца, встретили его слова одобрительными выкриками. Особенно радовались словам Вараздата зрители из Карфагена. Окруженный рабами Иккос со слезами на глазах благодарно смотрел на Вараздата. Но иной была реакция элланодиков:

– Мы услышали тебя, чужестранец! Но право принимать решения принадлежит элланодикам и никому более. Поединок окончен, и его исход не подлежит пересмотру. А о мере наказания нарушителю будет объявлено особо.

С этими словами распорядитель присоединился к остальным девяти элланодикам и, после короткого совещания, объявил:

– Совет элланодиков подтверждает мое решение. Что касается наказания, то, принимая во внимание безупречное прошлое карфагенянина как атлета и гражданина, а также придя к выводу, что нарушение правил произошло неумышленно, элланодики решили не применять порку в отношении Иккоса, а ограничиться наложением на Карфаген символического штрафа в одну мину серебром.

Элланодики, вставшие с мест, пока обнародовалось это решение, вновь опустились в кресла, а агонифет дал указание привести в порядок арену перед решающим поединком. С низко опущенной головой Иккос покинул арену.

– Жаль Иккоса, – негромко сказала Деметра. – Правда, такой исход поединка позволит сохранить Вараздату силы, которые ему очень понадобятся в последнем бою.

– Для победы, – добавил Карен уверенно.

Солнце уже клонилось к закату. Его лучи еще освещали расположенную напротив холма Крона трибуну, в то время как арена, подготовленная для последнего боя, погружалась в вечернюю прохладу.

– Эпикрадас из Афин, двукратный олимпиец! – голос глашатая торжественно прозвучал в тишине, и тотчас же трибуны взорвались криками и рукоплесканиями.

Эпикрад, по жребию получивший право выступать сразу в финале, вышел из крипты и ступил на арену. Его обезображенное в многочисленных поединках лицо, устрашающий взгляд из-под низко нависших бровей внушали публике уважение и страх. Афинянин горел нетерпением сразиться с чужестранцем и завоевать в третий раз желанный титул олимпийщика. Он видел все поединки с участием Вараздата и по достоинству оценил его мастерство. От него не ускользнуло и то, что Вараздат почти не получал ударов.

«Со мной у него это не выйдет, — думал Эпикрад. — Для меня это первый бой, а Вараздат, должно быть, изрядно устал за три поединка».

Противникам не удалось вымотать Вараздата, но его манера боя — все эти нырки, уходы и отступления — требовала большой затраты сил. И Эпикрад заранее предвкушал победу, хотя и понимал, что она будет нелегкой.

— Вараздатэс из Артаксаты! — выкрикнул глашатай.

Вараздат весил на целый талант меньше своего грозного соперника, имел меньше опыта в кулачных поединках, но был полон решимости победить, во что бы то ни стало:

«Победить, чтобы повторить подвиг соотечественника Трдата... Победить, чтобы прославить свой родной город, свою страну, вернуть свое доброе имя... Победить, и вернуться в Армению... Мама ждет меня...».

...Едва распорядитель дал знак к началу поединка, как Эпикрад вышел в центр арены с проворством, которого трудно было ожидать при его массивной фигуре, и, вытянув левую руку вперед, стал в классическую стойку, принесшую ему не одну победу в состязаниях. Его огромный кулак, нацеленный в лицо соперника, должен был держать Вараздата на почтительном расстоянии. Прямая стойка чужестранца с поднятыми чуть выше обычного руками делала его, казалось, хорошей мишенью для ударов афинянина. Но на сей раз Вараздат не стал дожидаться атак соперника. Маневрируя, он быстро подошел вплотную к вытянутому кулаку Эпикрада, затем резким движением правой руки отвел его в сторону и одновременно нанес левой прямой удар в подбородок афинянина. Это произошло так молниеносно, что Эпикрад, сам привыкший господствовать на арене, опешил. К тому же удар чужестранца оказался весьма чувствительным. И дело было не столько в тяжести удара, сколько в резкости, с которой он был нанесен.

Эпикрад раз за разом выбрасывал левую руку, пытаясь достать лицо чужестранца и готовя удар правой. Но увертливый противник не давал возможности нанести удар. В то же время Вараздат, ловко

сближаясь, успел нанести именитому сопернику несколько несильных, но точных ударов из самых разнообразных положений. Эти удары не причиняли особого вреда Эпикраду, но выводили его из себя, заставляли его спешить, ошибаться и нервничать. Собственно, они на это и были рассчитаны.

Вдруг Вараздат вытянул левую руку и вплотную сблизился с афинянином. Эпикрад оказался в своей стихии: почувствовать левой соперника и ударить с сильного замаха правой, было для него делом привычным. Однако в тот момент, когда он замахнулся, Вараздат согнул левую руку в локте, сделал еще один небольшой шаг навстречу Эпикраду, нанес сильнейший удар в висок и, отскакивая, ударил еще раз прямой правой. Эти удары потрясли Эпикрада.

– Э-пи-крад! Э-пи-крад! – сидевшие на трибунах афиняне стали скандировать имя своего кумира, чтобы призвать его действовать осмотрительнее.

Из окружения Тироца-армена тоже раздались выкрики, сначала нестройные, а затем все более различимые:

– Ва-раз-дат, уп-тур (*жми – арм.*)! Ва-раз-дат, уп-тур!

Этим криком земляки чужестранца призывали его сделать еще одно усилие, воспользоваться замешательством Эпикрада и довести поединок до победы.

Но Вараздат знал, что до победы еще далеко. Поэтому он снова вернулся к тактике выматывания соперника. Он кружил вокруг афинянина, выводя его из себя несильными, но точными ударами и толкая его этим на неосмотрительные действия. Эпикрад, впервые встретивший подобный стиль ведения поединка, никак не мог приспособиться к нему. Он тщетно пытался нанести чужестранцу точный удар. Несколько раз кулаки Эпикрада доставали лицо соперника, но это были или толчки, или скользящие удары, не приносящие ему преимуществ в поединке. Незримая Фемида была, судя по всему, благосклонна к чужестранцу, чаша ее весов все больше склонялась в сторону Вараздата.

Прошло уже немало времени. Пот струился по смазанным оливковым маслом телам поединщиков, было видно, что они оба устали. Правда, раза два-три Вараздату удавались серии точных ударов в лицо соперника, после которых трибуны вокруг Тироца-армена вновь взрывались уже знакомым «Ва-раз-дат, уп-тур!». Но эти серии не могли решить исход поединка. Чтобы победить такого искусного бойца, нужен был очень сильный удар.

Эпикрад давно уже не держал вытянутой левую руку – на это у него не хватало сил. Не раз, пренебрегая осторожностью, он сближался с Вараздатом и бил обеими руками. Чаще всего удары рассекали воздух, иногда попадали по кулакам и плечам Вараздата. Это последнее обстоятельство ободряло афинянина. Он чувствовал, что желанный, точный удар в лицо соперника вполне достижим, возможно, недалек. И действительно, один из ударов Эпикрада пришелся точно подбородку Вараздата, хотя и оказался несильным. Ободренный удачей, Эпикрад, забыв об осторожности, ринулся вперед, и тут два встречных прямых удара остановили его. Это были удары страшной силы. Вараздат вложил в эти удары весь свой вес. К тому же тяжесть их была удвоена Эпикрадовым движением навстречу. Отглушенный Эпикрад уже падал по инерции вперед, когда новый удар снизу остановил его падение. Два следующих удара бросили его на песок.

Трибуны неистовствовали. Поединок был близок к концу, но еще не закончился.

Деметра, не спуская глаз с Вараздата, шептала:

– Такого еще не было, чтобы победу на играх в Олимпии одержал варвар! Возможно ли это? Боги, помогите Вараздату!

– Вставай, Эпикрад! Вставай, Эпикрад! – звали с трибун афиняне.

И Эпикрад встал. Встал сначала на одно колено, затем на другое, сделал глубокий вдох. Но не стал задерживаться в этом положении. И не потому, что знаменитому Эпикраду не пристало стоять на коленях. Двукратный олимпийский чемпион, победитель многих кулачных состязаний, он рвался к победе. Он был подлинным атлетом, и тянуть время, отдыхать на песке не собирался. Все происшедшее казалось ему случайностью. И это не позволяло ему правильно оценить ход поединка. Афинянин не чувствовал, что силы его исчерпаны. Он был полон решимости продолжать бой. И потому встал.

Мутными глазами отыскивал чужестранца. Сделал два шага навстречу, силясь поднять руки. И вдруг снова получил удар правой в подбородок, и вслед за тем, уже падая, другой – снизу в челюсть. Трибуны ревели от восторга. Но в ушах Эпикрада стояла абсолютная тишина. Он лежал ничком на песке и ничего не слышал, ничего не сознавал.

Стадион продолжал бушевать. Элланодик, руководивший поединком, подошел к поверженному бойцу и повернул его на спину. Опытным взглядом он определил глубокий обморок. Тогда он сделал знак рукой, и с трибун на арену бросилось несколько человек.

Впереди, не стесняясь своих слез, бежал крупный седой старик – отец поединщика. Он поднес к лицу сына маленький аррибал, дал ему понюхать. Но Эпикрад не приходил в себя. Тогда его земляки-афиняне с помощью рабов с трудом подняли поединщика и унесли на край стадиона, где еще долго прикладывали к его носу сосуд с пахучей жидкостью, прежде чем он начал воспринимать окружающее.

А публика, забыв о поверженном кумире, не переставала рукоплескать и возносить хвалу победителю. Еще до того, как элланодик вернулся к центру арены с белой шерстяной лентой и пальмовой ветвью, к Вараздату подбежал Иккос. Он положил руки на плечи Вараздата и взволнованно произнес:

– Ты достоин этой победы, Вараздат! Никто из нас не мог бы взять верх над Эпикрадом. И еще, я благодарю тебя за заступничество. Я никогда не забуду ни этого поединка, ни того, как ты спас меня от унижения.

Вараздат тяжело дышал, кровавые пятна на его щеке и груди свидетельствовали о том, что победа на Играх достается отнюдь нелегко. Элланодик молча повязал ему на голову белую ленту и, вручив пальмовую ветвь, поднял его правую руку. Тотчас же заиграл рожок, и глашатай, тот самый, что получил звание самого громкого голоса Олимпии, трижды на греческий лад выкрикнул на весь стадион:

– Вараздатэс, сын Анобаса из Артаксаты – олимпиец!

Перескакивая через барьер, зрители бросились на арену. Земляки подхватили Вараздата на плечи и понесли к выходу, а затем дальше, в палаточный город, где расположилась община выходцев из Армении. Деметра и ее рабыня Фату, переговариваясь, выпорхнули со стадиона, и пошли вслед за шествием, надеясь поздравить олимпийца. Но обратиться к нему не было никакой возможности. Его окружала плотная толпа поклонников. Пронзительные трели зурны перекрывали нежное пение флейты, под звуки которой греки чествовали олимпийцев...

Шел 385 год н.э.

.....